

УДК 93/94(571.6)

ОТНОШЕНИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ПОЛИТИКЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ (НАЧАЛО 1930-Х ГГ.)

Е.А. Астанина

Дальневосточный государственный гуманитарный университет,
ул. Карла-Маркса 68, г. Хабаровск, 680037,
e-mail: elena-minina7@mail.ru

Статья посвящена взаимоотношению власти и общества на примере отношения дальневосточного крестьянства и политика советской власти в деревне в начале 30-х гг. XX в. Отражена позиция представителей советской власти и крестьянства к происходящим событиям, связанным с коллективизацией.

Ключевые слова: крестьянство, советская власть, коллективизация, раскулачивание, колхозы, репрессии.

В начале 30-х гг. XX века Дальний Восток РСФСР характеризовался повышенным по сравнению с другими районами страны темпом расслоения крестьянства, сравнительно большим числом батраков и кулаков. Это объясняется отсутствием в крае помещичьего землевладения, аграрного перенаселения в сельскохозяйственных районах и рецидивов продразверстки. Специфические условия Дальневосточного края (ДВК): поздняя советизация, отсутствие периода комбедов, сравнительно высокий процент зажиточных хозяйств, значительный удельный вес наемного труда в сельском хозяйстве, низкий уровень грамотности крестьянства – создавали острую политическую ситуацию.

Введение чрезвычайных мер по отношению к крестьянству произошло еще до перехода к политике сплошной коллективизации. В первую очередь они были направлены против наиболее крепких, зажиточных крестьян, определенных советским правительством и ВКП(б) кулаками. Однако зачастую в эту категорию попадали как середняки, так и наиболее бедная часть крестьянского населения.

Признаки кулацких хозяйств были впервые определены 20 февраля 1929 г. специальным постановлением Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК) «О признаках кулацких хозяйств, в которых применяется Кодекс законов о труде». Для отнесения того или иного крестьянского хозяйства к кулацкому типу достаточно было, чтобы оно обладало одним из следующих признаков: систематическое применение наемного труда для сельхозработ или в кустарных промыслах и предприятиях; наличие вспомогательных сельскохозяйственных построек или инвентаря с механическим двигателем; постоянная или сезонная сдача в наем помещения под жилье или предприятие; наличие нетрудовых доходов [18].

12 мая 1929 г. Дальневосточный краевой исполнительный комитет ВКП(б) (Далькрайисполком), опираясь на решение Совета народных комиссаров, издал свое постановление, в котором определил признаки кулацких хозяйств для Дальневосточного края (ДВК). К вышеперечисленным признакам были добавлены: использование полностью своего земельного надела;

пригородные промышленные хозяйства, имеющие огороды или молочные хозяйства при наличии в них не менее трех коров и расположенные от города на расстоянии 35 км; крестьянские хозяйства, занимающиеся рисосеянием при наличии в них не менее 2 га посевов риса; хозяйства, размер дохода в которых превышал от 800 до 1250 руб. на хозяйство в зависимости от округа [10]. Таким образом, каждое второе хозяйство на Дальнем Востоке могло быть отнесено к кулацкому.

Дальнейшее нагнетание борьбы с кулачеством связано с принятием в мае 1929 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах укрепления колхозной системы», согласно которому государство оказывало материальную помощь беднякам и середнякам, ограничивая развитие зажиточных хозяйств [18]. Не последнюю роль в обострении положения в деревне играла сельская молодежь, о чем свидетельствуют различные материалы о коллективизации сельского хозяйства в ДВК, информационные сводки Отдела информации и политконтроля ОГПУ.

В докладе «О работе судебных органов ДВК в хлебозаготовительной кампании 1929 г.» были рассмотрены наиболее характерные дела по Амурскому округу. Например, «кулаки и зажиточные села Среднебелого, озлобленные на активистов, заманили к себе одного из них и после разговоров с ним о сельхозналоге избили до бесчувствия, и, думая, что он мертвый, выбросили его к реке. Дальше, эта же группа неоднократно угрожала активистке комсомолке за ее общественную работу и однажды, когда она шла, забросили петлю на шею и поленом по голове избили до потери сознания. Виновные осуждены к расстрелу. В селе Ново-Петровском колхозники купили с торгов амбар, принадлежавший кулаку села Константиновки. Во время перевоза амбара на них с колыями и вилами напала ватага кулацкой молодежи, избив и изранив до полусмерти» [16]. Подобные случаи свидетельствуют о ярко выраженном неприятии частью сельской молодежи сторонников социалистических преобразований жизни и ломки традиционного уклада крестьянского хозяйства.

IV пленум Дальневосточного краевого комитета ВЛКСМ (Далькрайком), проходивший 18–24 января

1930 г., наряду с положительными моментами работы комсомола в хлебозаготовительной кампании отметил факты отрицательного характера, которые выражались в кулацком влиянии на ряд комсомольских ячеек [6]. В частности, секретарь Тамбовского районного комитета Амурской области Липский привел пример по Верхнее-Уртурскому району, где при проверке комсомольской организации было обнаружено 60 % кулацко-зажиточной молодежи, а также зафиксированы «попытки со стороны кулацкой молодежи к избиванию отдельных комсомольских работников» [6]. Другой пример, рассмотренный на пленуме, касался слабо поставленной борьбы с правым уклоном в ряде комсомольских организаций. Особенно это подтверждалось в ходе хлебозаготовок. Так, в Александровской районной организации 18 комсомольских ячеек совершенно не участвовали в кампании, а часть из них вообще выступили против хлебозаготовок и «вели различные разговоры относительно возможности вращивания кулака в социализм» [6].

Серьезное изменение политики в деревне обозначило декабрьское постановление СНК РСФСР «О весенней посевной кампании 1930 г.». В преамбуле постановления говорилось, что для сельского хозяйства наступила пора коренной перестройки на социалистических началах и стоит задача сплошной коллективизации целых областей и, в том числе, Дальнего Востока. Весенняя посевная кампания должна была обеспечить ускоренный рост коллективных хозяйств. Эта задача должна была быть решена на основе «мобилизации всех сил рабочего класса и бедняцких масс крестьянства для социалистического переустройства хозяйства и наступления на кулака». Объединение рабочих и беднейшего крестьянства – продуманный политический шаг со стороны партийного руководства. С одной стороны, это должно было показать, что советская власть не делает различия между первыми и вторыми, с другой – опора на беднейшее крестьянство провоцировала социальный конфликт в деревне или необходимую для ликвидации кулачества и «классовую борьбу». Для оказания «помощи» сельскому хозяйству со стороны города Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС) должен был до 15 февраля 1930 г. откомандировать 25 тыс. рабочих на систематическую работу по коллективизации, основной деятельностью которых должна была стать пропаганда крестьянам новой политики партии в деревне [18].

После постановления СНК районными исполкомами советов по ДВК были приняты резолюции о посевной кампании. В них отмечалось предстоящее обострение классовой борьбы в деревне в условиях раскулачивания и массового движения батраков, бедняков и середняков в колхозы. Главным лейтмотивом этих резолюций являлась необходимость полного охвата батрацко-бедняцкой и середняцкой массы сплошной коллективизацией и недопущение в колхозы кулаков [15]. Таким образом, в очередной раз советским правительством был взят курс на сознательный раскол деревенского общества, который должен был обеспечить создание надеж-

ной опоры из беднейших слоев деревни в проведении политики ВКП(б) и оправдать заявление власти о наличии классовой борьбы.

Действие декабрьского (1929 г.) постановления СНК РСФСР на Дальнем Востоке вылилось в массовое разорение крепких крестьянских хозяйств через насильственное включение крестьян в колхозы при полном обобществлении их имущества. В ряде районов Владивостокского, Читинского, Сретенского округов были зафиксированы многочисленные факты принудительной коллективизации путем угроз выселения и лишения дефицитных товаров, агитации за выход из колхозов, случаи раскулачивания вне связи с коллективизацией, в том числе середняцких хозяйств, партийцев и красноармейских семей. Все эти ошибки при чрезвычайно слабой работе с батрацко-бедняцкими слоями деревни приводили к выходам из колхозов и распаду отдельных из них [2].

Не последнюю роль в агитации против коллективизации играла деревенская молодежь, связанная с крепкими самостоятельными хозяйствами своих родителей. Сопrotивление зажиточных категорий крестьян коллективизации выражалось в сопротивлении при раскулачивании путем покушений и терактов к активу сел и к вступившим в колхозы. Весной 1930 г. в селе Ундфо Оловянинского района Читинского округа на почве раскулачивания сыновьями кулака Филиппова был избит комсомолец, а в селе Матусовое сын кулака Баранов избил стягом заместителя председателя сельсовета, пришедшего проводить раскулачивание [2].

С переходом к выполнению решения ЦК ВКП(б) «О сплошной коллективизации и ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» социальная напряженность в деревне значительно возросла [4]. Документы наглядно свидетельствуют о наличии резко критических мнений по вопросу колхозного строительства со стороны различных категорий крестьян, в большей степени молодежи, которая являлась основной рабочей силой на селе. Главным объектом критики становилась местная власть в лице председателей колхозов, руководителей местных советских партийных органов. Информация об этом постоянно направлялась в партийные и комсомольские органы.

Согласно сводкам НКВД–ОГПУ, количество массовых и групповых выступлений в деревне по районам ДВК за 1930 г. составило 50 (51) с количеством участников 3474 человека [17]. При усилении репрессивных методов проведения коллективизации крестьянское сопротивление становилось неизбежным. Только в декабре – январе 1929–1930 гг. по ДВК (кроме Владивостокского округа) было совершено: 3 убийства, 11 покушений, 3 ранения, 6 избиваний, 10 поджогов [3]. И это только зафиксированные акты сопротивления.

Всего за 1930 г. было совершено 343 теракта, объектами которых в большей степени выступали колхозы и непосредственно колхозники. В состав участников входила преимущественно категория кулаков, хотя довольно высок был и процент середняков, а порой и бедняков [17]. Для них зажиточные хозяева, подвергавшиеся

гонениям со стороны властей, продолжали олицетворять жизненный идеал крепких самостоятельных хозяйств.

Политика ликвидации кулачества как класса служила удобным оправданием санкций, направленных против крестьян. 1 ноября 1930 г. было принято специальное постановление ВЦИК и СНК СССР «О мерах против хищнического убоя скота», который предусматривал уголовную ответственность нарушителей – штрафы, конфискацию имущества, выселение и лишение свободы до 2-х лет. Широкая волна репрессий обрушилась на дальневосточную деревню. Только за первую половину 1930 г. за сопротивление коллективизации было осуждено 2254 чел., 638 семей (4360 чел.) выслано из края [18]. В отдельных районах было раскулачено до 10–20 % зажиточных семей. Тем самым нарушалась директива Далькрайкома ВКП(б) «О разъяснении этапов и методов проведения ликвидации кулачества как класса», что общее число раскулаченных по району не должно превышать 3–5 %. Для практической работы по выселению кулаков мобилизовывались члены местных ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ [11].

К концу 1930 г. было раскулачено, осуждено, выселено 6289 семей (36860 чел.) [18]. Только из Владивостокского округа выслали 2114 кулацких семей (2,5 %), а из Амурского – 1175 семей (2,4 % всех сельских семей округа) [19]. В результате был сорван сев яровых, что привело к голоду в ряде округов: Сретенском, Читинском, Хабаровском, частично Владивостокском и Амурском. Следствием этого стали многочисленные факты желудочных заболеваний в результате употребления в пищу суррогатов хлеба, случаи голодной смерти, отходничества, воровства, нищенства. По краю прокатилась волна убийств активистов и партработников, отвечающих за политику в деревне [18].

В свою очередь, и сам Дальний Восток был местом ссылки крестьян, признанных кулаками. Весной 1930 г. на территорию ДВК, а именно в Могочинский, Нижне-Амурский, Зейский и Селигмджинский районы было выслано 2100 семей из Северного Кавказа [12]. Всего в 1930–1931 гг. в ДВК было выселено 109 982 семьи [12]. Необеспеченность жилстроительством, перебои в продовольственном и промышленном снабжении, отсутствие достаточной медицинской помощи – таковы были условия, сопровождающие кулацкую ссылку [12].

Неоднократно со стороны органов юстиции ДВК при рассмотрении дел отмечались перегибы, выразившиеся в нарушении законности, произволе и насилии над крестьянами. Позднее в резолюции Далькрайкома ВКП(б) по докладу Комиссии народного комиссариата юстиции (НКЮ) «О выводах по обследовании органов юстиции ДВК» от 16 июля 1930 г. показано, что «органы Суда и Прокуратуры не только не сумели обеспечить на основе соблюдения революционной законности наиболее полную защиту бедняка, середняка и кустаря от имевших место антисередняцких искривлений линии партии в деревне, но и в ряде случаев грубо нарушалась революционная законность: применялись строжайшие судебные репрессии против середняка, а подчас и бедняка...

Суды путем конфискации всего имущества и чрезмерных штрафов по судебному приговору совершенно незаконно «раскулачивали средние слои деревни под видом зажиточных» [16]. Подобные случаи свидетельствовали об открытом наступлении власти на крестьянство, социальная напряженность в деревне достигла своего пика.

Однако, как следует из докладных записок за 1932 г., и в дальнейшем имели место перегибы в политике раскулачивания. Так, в селе Септухино Владивостокского округа, состоящего из корейского населения, в связи с перегибами из 408 хозяйств 136 крестьянских семей ушли за границу и в другие районы. Там же были зафиксированы случаи раскулачивания бывших партизан [8]. В селе Мелькуново комсомольцами Хижным и Рубаном была организована коммуна, в которую указанные лица загоняли силой под угрозой – «не пойдешь, раскулачим» [8]. Эти примеры можно объяснить как желанием быть поощренными властями, так и какими-либо своими меркантильными интересами.

Для привлечения молодежи к политике коллективизации местными органами ВКП(б) и ВЛКСМ велась активная разъяснительная работа о перспективах колхозного строительства. 17 февраля 1930 г. Далькрайком ВКП(б) постановил: «В целях расслоения кулацких семей и советизации молодежи, в процессе ликвидации кулачества, для молодежи, в той или иной мере проявивших свою лояльность по отношению к Советской власти, сделать исключение – оставлять в местах прежних поселений, допускать на государственную работу» [3]. Далее в решении следовало, что ряд районных комитетов ВКП(б) должны «усилить работу КСМ среди беспартийной молодежи, взяв курс на коренное перевоспитание молодежи в духе социалистических идей» [3].

В результате активной деятельности ряда комсомольских организаций были достигнуты определенные успехи по мобилизации беспартийной молодежи вокруг вопросов колхозного строительства. Особенно наглядно они проявились во время хлебозаготовительной кампании. Так, высокой оценки со стороны Далькрайкома ВКП(б) в проведении хлебозаготовок были удостоены колхозные ячейки «Путь Ленина» Черниговского района, колхоз «Новый быт» Завитинского района, колхозная ячейка ВЛКСМ «Корсунчаг» Шмаковского района, ячейка «Тагильцы» Свободненского района, ячейка «ВЛКСМ» колхоза «Красный орел» и ряд других [5]. Однако нельзя считать, что успехи были достигнуты исключительно методами пропаганды.

Между тем не только беспартийное крестьянство, но и многие рядовые коммунисты, комсомольцы и сельские активисты не могли понять и принять проводимые мероприятия по фактически конфискационному сбору налогов и усилению хлебозаготовок на базе сплошной коллективизации. Работа комсомольских ячеек в деревне по коллективизации бедняцко-середняцких масс и внутри колхозов по укреплению их хозяйственной деятельности и развитию ударничества была поставлена неудовлетворительно. Так, Нижне-Тамбовской РК ВКП(б) отмечал, что «на основном участке работы в деревне,

как то сплошная коллективизация и на базе ее ликвидации кулачества как класса, комсомол проявил себя чрезвычайно слабо, причем в отдельных случаях комсомольцы противодействуют коллективизации и ликвидации кулака» [9]. Кроме того, в отдельных комсомольских организациях имели место случаи отказа вступления в колхоз и заявлений, что «политика партии не верна, кулаков на селе сейчас ликвидировать нельзя» [8]. Характер таких заявлений со стороны молодежи показывал желание избежать конфронтации с односельчанами, с которыми связывали тесные хозяйственные, а зачастую и родственные отношения.

Большинство районных комитетов ВКП(б), отмечая несогласие общества с политикой «обострения классово-борьбы на селе в связи с огромным размахом колхозного строительства» советской власти, находили выход в «чистке» местных партийных и комсомольских организаций, а также колхозов. В связи с тем, что среди репрессированных крестьян в ходе сплошной коллективизации было немало лиц в возрасте до 20 лет, пленум Никольск-Уссурийского РК ВКП(б) от 14–18 января 1931 г., постановил: «Недооценка силы сопротивления кулачества, ослабления классово-бдительности должно встретить от райпарторганизации решительный большевистский отпор. Пленум РК ВКП(б) предлагает коммунистической фракции РКС и сельским партиячкам провести чистку классово-чуждых элементов во всех колхозах» [4].

Наглядную картину острой социальной напряженности в деревне и неоднородного отношения к коллективизации в рядах молодежи иллюстрировала Комиссия Президиума ВЦИК в докладе «О хозяйственном и культурном строительстве ДВК» от 1931 г.: «Засоренность части колхозов чуждыми элементами способствует успеху кулацкой агитации, которой многие сельсоветы не противопоставляют массовую работу. В результате не только в период перевыборов в сельсоветы, когда кулак в ДВК ожесточенно борется за влияние в них, но и позже продолжают прямые выступления классового врага, только за 2 месяца в одном Калининском районе (Хабаровский округ) имело место 4 террористических акта» [1]. Далее в докладе приводились примеры кулацких выступлений на собраниях, выдвигающих своих кандидатов, и «подпольная обработка» крестьян в Рухловском, Тыгдинском, Михайловском, Александровском и других районах, отмечались случаи убийства председателя Козьмодемьяновского сельсовета Тамбовского района Амурского округа, нападения с ножом на председателя сельсовета в Посьетском районе [1].

Подобная обстановка была характерна для всех районов ДВК, о чем свидетельствуют документы различных ведомств. Докладные записки о выполнении плана переселения красноармейцев в ДВК говорят об активизации кулачества в среде прибывших переселенцев. Были установлены случаи, когда кулаки готовили своих дочерей к замужеству за красноармейцев, «засывали» красноармейцев жить в своих квартирах, распространяли слухи о плохом положении хозяйства в красноармейских колхозах. Кроме того, были зафиксированы и

случаи террористических актов. Так, «только за декабрь 1930 г. в коммуне им. Сталина в 18 км от Хабаровска кулаки сожгли новую столовую, а в коммуне им. Чапаева кулаки сожгли свиноферму. Есть случаи порчи сельхозмашин, отравы скота и проч.» [13]. В постановлении партколлегии Дальневосточной Контрольной комиссии от 8 июня 1931 г. приводились примеры избиений комсомольцев, являющихся секретарями сельсоветов и комсомольских ячеек, случаи попадания сельсоветов под влияние группы кулаков и совершенное бездействие при этом местных комсомольских организаций [7].

Докладная записка об обследовании Ханкайского района Владивостокского округа от 1932 г. зафиксировала покушение на жизнь комсомольца в селе Новая Бельмановка, собирающего налог в присутствии членов сельсовета, которые никаких мер не приняли; угрозы перебить весь комсомольский актив, участвующий в хлебозаготовках со стороны кулаков в селе В.-Морозовка. В том же селе была отмечена активная агитация среди бедняцко-батрацкого населения против вступления в колхоз. В частности, были выпущены листовки следующего содержания: «Бедняк, не входи в колхоз, колхоз есть злейший эксплуататор». В селе Астрахановка были зафиксированы гонения на пионеров детьми кулаков и подкулачников, которые устраивали на них засады и систематически избивали [8]. Подобные случаи свидетельствуют об определенных «успехах» советской власти в вопросе раскола деревни и создания условий для реальной «классовой борьбы».

Особый всплеск недовольства и сопротивления политике партии среди сельского молодежи наблюдался во время хлебозаготовительных кампаний. Во время хлебозаготовок 1932 г. были зарегистрированы случаи «засоренности кулацким элементом» отдельных комсомольских организаций и отсутствие какой-либо работы по даче твердых заданий и кулацким хозяйствам. В Свободненском районе различными организациями было выявлено 180 кулаков, «из которых 49 кулацких сынков пролезли в комсомол» [5]. Вполне естественно, что после этого все они были исключены из ВЛКСМ. В селе Петровицы в колхозе «Труд» Черниговского района бывший секретарь ВЛКСМ ячейки Николай Варивода в то время, когда колхоз «не сдал еще ни одного фунта зерна государству, организовал распределение авансов под лозунгом «вперед себе, потом государству». Подобную агитацию проводили член ВЛКСМ Качаев в селе Сиане, секретарь ячейки ВЛКСМ в селе Яносовка Завитинского района Николай Кочетов, секретарь Верх-Ильиновской ячейки Гуриянович. В совхозе «Сун-Ят-Сена» Михайловского района бывший секретарь ВЛКСМ ячейки Дедюкин вместо большевистской борьбы за сдачу хлеба государству распевал по совхозу кулацкие песни о том, что «жить тяжело, мы не живем, а еле существуем» [5]. В этом же районе в совхозе «Комсомолец» бывший секретарь коллектива Шадрин говорил среди комсомольцев и беспартийных рабочих совхоза, что «пленумы ЦК ВКП(б) и их решения являются замазыванием глаз трудящимся и что линия ЦК неправильная», а также сочинял песни, в основе своей крити-

кующие советскую власть [5]. Подобное творчество отражало совершенно иную картину жизни советского человека и его отношение к советской власти, чем ту, которая официально звучала по радиоприемникам на всю страну.

Помимо агитации против кампаний, проводимых на селе, были случаи, когда отдельные комсомольцы являлись организаторами расхищения колхозного имущества. Так, в колхозе «Производитель» села Волково Благовещенского района «комсомолка Шаренко со многими другими «доброжелателями» колхоза носила в платке с колхоза обмолоточного пункта ежедневно намолоченное зерно». После поимки на месте преступления она была осуждена на два года, однако выдать своих сообщников отказалась [5].

В отдельных случаях были выявлены попытки организации террора на лучших активистов села. В селе Державенка Александровского района на секретаря сельсовета, председателя хлебной комиссии, бывшего партизана, бедняка Головка был произведен выстрел с недалеко расположенной сопки в окно сельсовета [5].

Все эти факты свидетельствуют о том, что политические кампании на селе, сопровождавшиеся усилением административного нажима на крестьянство, закономерно вызывали ответное сопротивление. Применение правительством чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами зажиточных крестьян, оно все сильнее ударяло по среднему крестьянству. Коллективизация не нашла, да и не могла быстро и одномоментно найти поддержки у большинства крестьян, потому что из имущих все они при вступлении в колхоз становились одинаково неимущими. А в случае их отказа стать колхозниками применялись угрозы раскулачивания, лишения гражданских прав, выселения и прочие административные наказания.

Тем не менее официальные документы, в частности доклад «Колхозы ДВК на пороге 2-ой пятилетки» от 1932 г., констатировали, что «бедняцко-средняцкие массы убедились в преимуществе колхозного и совхозного крупного механизированного хозяйства перед индивидуальным, что подтверждается массовой коллективизацией бедняцко-средняцкой молодежи деревни и ростом колхозов», а «ряд районов пришли в основном к сплошной коллективизации, разгромив кулака и ликвидировав его как класс» [14].

В докладе так же было отмечено ожесточенное сопротивление кулачества, начиная от антисоветской агитации и заканчивая убийствами организаторов колхозного движения. Однако это сопротивление, как следовало в документе, являлось ответом на «вытеснение капиталистических элементов» в обстановке высокого подъема коллективизации и «обострения классовой борьбы» [14], а не вследствие нарушения законности, произвола и насилия со стороны местных органов власти.

Признавая, что отдельные представители власти и партии поддерживали «кулачество», документ определял это как следствие «провокационистских тенденций и правого оппортунизма», с которыми партийные организации, «опираясь на небывалую активность бедняцко-

средняцкой деревни, вели последовательную борьбу с агентурой классового противника». Учитывая, что зачастую середняки сами становились жертвами раскулачивания, а для немалой части бедняков «кулаки» олицетворяли жизненный идеал самостоятельных хозяйств, с подобными заявлениями крайне трудно согласиться. Однако в докладе указывалось, что «решительные мероприятия по очистке колхозов от классово-чуждых элементов и по укреплению бедняцко-средняцких групп решали исход классовой борьбы внутри колхозов в пользу интересов социалистического строительства» [14].

В докладе было признано наличие перегибов в ходе сплошной коллективизации, вызванных «небывалым успехом колхозного движения». К 1931 г. вновь возобновились «добровольность вступления в колхозы, борьба за правильную организацию труда, за организационно-хозяйственное укрепление колхозов». Уменьшение же численности колхозов и самоликвидация некоторых из них объяснялось «самоочисткой колхозов от кулацких элементов» [14]. На деле сказывалось разочарование в колхозной системе и стремление большинства крестьян к собственному крепкому хозяйству.

Начало 1930-х гг. для дальневосточной деревни стало исходным пунктом последовательной ломки всего уклада жизни. В молодежной среде, как самой активной и численно преобладающей группе в деревне, наиболее ярко отразился раскол среди крестьян по вопросу отношения к политике ВКП(б). Бедняцкая молодежь, как правило, становилась опорой партии на селе, главным источником пополнения рядов комсомола и сельских активистов, проводивших эту политику в жизнь. Другая категория молодых людей, связанная с крепкими самостоятельными хозяйствами своих родителей, отстаивая экономическую независимость своих семей и борясь за декларированные властями политические права, которые народ обрел после Октябрьской революции, логично становилась в оппозицию советской власти. Для более полного понимания проблемы необходимо учитывать и психологические факторы, вызывающие колебания в оценке политики как в первой, так и во второй группе молодежи. С одной стороны, присутствовало наличие патриархальных традиций, продолжавших во многом определять жизнь молодого поколения. С другой - формировалась особая психология молодежи нового советского времени. Борьба подрастающего поколения за собственную эмансипацию в 1920-е гг. как нельзя лучше отражала большевистскую концепцию молодежной политики. В рамках коммунистического проекта «светлого будущего» молодежи отводилась главная роль в продолжении дела, начатого ее отцами. Поэтому призывы к участию в социалистическом строительстве живо находили отклик у части молодежи. Наличие этих факторов порождало противоречие среди молодежной части крестьянства и определяло неоднородное и неоднозначное отношение к новым кампаниям, проводимым в деревне.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1078. Л. 145.

2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 195. Л. 144, 164.
3. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 237. Л. 12, 25, 274.
4. ГАХК. Ф. П-2. Оп. 8. Д. 29. Л. 110.
5. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 104. Л. 318, 319, 320, 322, 322–324.
6. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 253. Л. 37, 57, 68.
7. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 276. Л. 26–27.
8. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 279. Л. 16, 17, 18, 19.
9. ГАХК. Ф. П-618. Оп. 1. Д. 361. Л. 3.
10. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 4. Д. 7а. Л. 383.
11. Проскурина Л.И. Вернуть земле хозяина // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 2. С. 27.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 26. Л. 19, 84, 85.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7446. Оп. 2. Д. 639. Л. 9.
14. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 574. Л. 2, 2 (об.), 3.
15. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1728. Л. 36.
16. РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1671. Л. 70–71, 187.
17. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание, 1927–1939: Документы и материалы. М., 2000. 925 с.
18. Шестак О.И. Социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке (1922–1941 гг.). Владивосток, 2004. 159 с.
19. Шишко Н.П. Деятельность партийных организаций Дальнего Востока по осуществлению коллективизации и организационно хозяйственного укрепления колхозов в 1930–1934гг. // Социалистическое и коммунистическое строительство на Дальнем Востоке. Владивосток, 1965. С. 82–96.

The article is devoted to the authority and the society interaction, on the example of the Far East peasantry attitude to the soviet power policy in the country. As for the collectivization, it was very different, varying from a support of the soviet government activities to its complete negation and terrorism against the soviet public representatives in the country.

Key words: *peasantry, soviet power, collectivization, dispossession of the kulaks, collective farms, repressions.*